

УДК 34**Сравнительный анализ вопросов квалификации шпионажа и государственной измены в судебно-следственной практике РФ****Беглякова Александра Александровна**

Адъюнкт,
Нижегородская академия МВД РФ,
603144, Российская Федерация, Нижний Новгород, ш. Анкудиновское, 3;
e-mail: Beglyakova@mail.ru

Авторы выражают признательность за ценные консультации и предоставленные материалы судебной практики, а также сотрудникам профильных подразделений правоохранительных органов, чьи комментарии помогли уточнить ряд практических аспектов квалификации данных преступлений.

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей квалификации шпионажа и государственной измены в судебно-следственной практике Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения внешней и внутренней безопасности государства, а также защитой его суверенитета в условиях быстро меняющейся геополитической обстановки. Авторы рассматривают историческую эволюцию российского уголовного законодательства, влияющую на правовую регламентацию соответствующих составов преступлений, и сопоставляют современную практику привлечения к ответственности с аналогичными подходами в ряде зарубежных стран. Особое внимание уделено критериям разграничения государственной измены и шпионажа, включая вопросы определения субъекта, формы вины и содержания противоправного деяния. В ходе исследования раскрываются методологические аспекты, затрагивающие системный, сравнительно-правовой и историко-правовой анализ нормативных актов и судебной практики. Авторы приводят обобщенные результаты, демонстрирующие, что в большинстве развитых правовых систем ответственность за государственную измену и шпионаж является одной из наиболее суровых и имеет высокую степень общественной опасности. При этом в российском законодательстве, так же как и в правовых системах США, Германии и ряда других государств, наблюдается общая тенденция к расширительному толкованию соответствующих составов преступлений, что подчеркивает их особую роль в охране интересов государства. С точки зрения практической значимости отмечается, что тщательное правовое разграничение государственной измены и шпионажа облегчает правоприменителям принятие взвешенных процессуальных решений, вплоть до освобождения от ответственности при наличии деятельного раскаяния или добровольного отказа от совершения преступления. Авторы делают вывод о том, что дальнейшие перспективы развития российского законодательства в данной сфере могут быть связаны с учетом новых угроз, возникающих в условиях современных вооруженных конфликтов и развития информационных технологий, требующих адекватного нормативного отклика.

Для цитирования в научных исследованиях

Беглякова А.А. Сравнительный анализ вопросов квалификации шпионажа и государственной измены в судебно-следственной практике РФ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 519-525.

Ключевые слова

Государственная измена, шпионаж, уголовное законодательство, внешняя безопасность, квалификация, субъект преступления, судебно-следственная практика.

Введение

Одной из важнейших задач любого государства является обеспечение своей безопасности и суверенитета [Конституция Российской Федерации, 2014]. В условиях глобализации и развития технологий внешние и внутренние угрозы приобретают многообразные формы, что стимулирует постоянное совершенствование уголовно-правовых норм, направленных на защиту основ конституционного строя, территориальной целостности и военной безопасности. В судебно-следственной практике Российской Федерации особое место занимают дела о шпионаже и государственной измене, поскольку данные преступления посягают сразу на несколько конституционно защищаемых ценностей, включая политические и военные интересы, а также информационную безопасность страны [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996].

В то же время грань между шпионажем и государственной изменой может оставаться размытой, особенно если учесть появление современных видов разведывательной и иной противоправной деятельности, связанных с использованием киберпространства, высокотехнологичных средств связи и распространением дезинформации. Поэтому тщательный анализ критериев квалификации этих преступлений и исследование отечественного и зарубежного опыта позволяют глубже понять проблемные аспекты правоприменения, а также повысить эффективность борьбы с посягательствами на безопасность государства [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1, 2009].

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования – провести сравнительный анализ вопросов квалификации шпионажа и государственной измены, выявить сходства и различия в подходах к их толкованию и применению в судебно-следственной практике РФ, а также обозначить возможные пути совершенствования правовой регламентации данных составов преступлений.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить эволюцию российского уголовного законодательства, касающегося ответственности за преступления против государственной безопасности, с акцентом на нормы об измене и шпионаже.

2. Проанализировать современные судебные решения и следственную практику в контексте разграничения данных составов преступлений и выявить типичные проблемы квалификации.

3. Сопоставить российский опыт правоприменения с иностранными моделями уголовно-правовой защиты, прежде всего с учетом законодательства и практики США, Германии, а также

отдельных европейских стран.

4. Разработать рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики, учитывая выявленные пробелы и новые вызовы, связанные с развитием технологий и актуальными формами внешних угроз [Criminal Code of the Federal Republic of Germany, 2001, 95-100].

Методология исследования

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий несколько методологических принципов:

1. Системный анализ, используемый для рассмотрения института уголовной ответственности за шпионаж и государственную измену в контексте всей системы уголовного права и процесса, а также в привязке к конституционно-правовым принципам.

2. Сравнительно-правовой метод, примененный при сопоставлении норм российского законодательства и подходов к квалификации данных преступлений с зарубежным правовым опытом (законодательство США, Германии, Лихтенштейна и др.), что помогает выявлять общие тенденции и отличительные черты.

3. Историко-правовой анализ, позволяющий проследить генезис норм об ответственности за государственную измену и шпионаж на протяжении развития российского права, а также взаимное влияние разных исторических этапов, от дореволюционного периода до современной правоприменительной практики [Серебренникова, 2013].

4. Анализ судебной практики, включающий в себя изучение приговоров и постановлений судебных органов, обзоры Верховного Суда РФ, официальные статистические данные и материалы, позволяющие оценить реальные сложности квалификации и пробелы в правовом регулировании.

Применение указанных методов обеспечило всесторонний характер научного исследования и позволило учесть как теоретические, так и практические аспекты обсуждаемой проблемы.

Историческая эволюция и современное состояние правового регулирования

Советское уголовное законодательство придавало исключительное значение защите государства от внешних и внутренних посягательств. В УК РСФСР 1960 года государственная измена и шпионаж рассматривались в Главе 1 «Государственные преступления» наряду с иными деяниями, направленными против безопасности СССР [Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., 1960]. Однако уже тогда возникали дискуссии о целесообразности разделения конкретных форм государственной измены (например, бегства за границу или отказа вернуться в СССР) и о необходимости учитывать динамику угроз.

В действующем УК РФ государственная измена предусмотрена статьей 275, а шпионаж – статьей 276. Важно отметить, что законодатель наделил государственную измену статусом преступления с «специальным субъектом», поскольку требование наличия гражданства РФ у виновного лица – принципиальный момент [Иногамова-Хегай, 2021]. Напротив, шпионаж может быть совершен любым иностранным гражданином или лицом без гражданства. При этом характер действий (передача секретных сведений, их сбор или хранение с целью передачи) во многом схож, однако разница в субъекте создает четкую грань между двумя составами.

Разграничение шпионажа и государственной измены в судебно-следственной практике

На практике проблемные ситуации чаще всего возникают в случаях, когда гражданин РФ действует по заданию иностранного государства, но его действия формально не сводятся лишь к сбору секретной информации. Нередко обвинения включают и иные формы участия (например, оказание консультаций, материальной помощи или пособничество в вооруженных конфликтах). В таких эпизодах следственным органам и суду важно точно установить, направлены ли действия фигуранта на подрыв внешней безопасности России и был ли у него прямой умысел на оказание помощи иностранной стороне [Позднышев, 2020].

Пограничные ситуации появляются, если лицо лишь «предположительно» сотрудничало с иностранной разведкой, не имея твердой договоренности или документально подтвержденного задания. Судебная практика постепенно обогащается делами, где используются результаты оперативно-розыскных мероприятий с применением технических средств, в том числе в цифровой среде. Однако возникает и риск расширительного толкования норм, когда сбор открытых сведений, допустим, из СМИ, ошибочно квалифицируется следствием как признак шпионажа или государственной измены – если при этом не доказан прямой умысел [Боев, Юдин, 2021].

Сравнительный аспект: российский и зарубежный опыт

В законодательстве США измена (treason) зафиксирована в Конституции и включает формы «развязывания войны» против США или «присоединения к врагам», в то время как шпионаж рассматривается отдельно в ряде федеральных законов (Espionage Act и др.). Историческая специфика США предполагает крайне строгое наказание (вплоть до смертной казни), но реальных случаев привлечения за государственную измену в современной практике относительно мало. Гораздо чаще применяется квалификация по признакам шпионажа или «саботажа», особенно в военное время [Espionage Act of 1917 (U.S. Federal Law), 1917].

Право Германии устанавливает обширную группу составов, объединяемых понятием «угроза внешней безопасности», включающих и собственно шпионаж, и госизмену. Примечательно, что при наличии деятельного раскаяния виновный может претендовать на смягчение наказания или освобождение от ответственности. Сходные подходы применяются также в УК Лихтенштейна, где государственная измена рассматривается как особо тяжкое деяние, а шпионаж наказывается мягче, если не повлек серьезных последствий [Trefilov, 2018].

Сопоставление показывает, что в большинстве правовых систем разграничение двух преступлений основывается на статусе субъекта и характере действий, но при этом законодательные формулировки могут отличаться. Нередко встречаются элементы, позволяющие суду учитывать дополнительный контекст: степень секретности информации, тип угрозы и мотив виновного.

Практическая значимость результатов исследования

Теоретические выводы о критериях разграничения государственной измены и шпионажа имеют прямое прикладное значение для правоприменителей – следователей, прокуроров, судей. Чем точнее очерчена граница между составами, тем выше вероятность избежать ошибок

квалификации, которые могут повлечь несоразмерное наказание или, напротив, необоснованно мягкое отношение к особо опасным действиям.

Кроме того, в российском уголовном законодательстве существует основание для освобождения от ответственности (применительно к этим преступлениям), если лицо добровольно сообщило органам власти о совершенном деянии и способствовало предотвращению дальнейшего ущерба. Такая мера стимулирует раскрытие преступных замыслов и возвращение на законопослушный путь. Однако практическое применение этой нормы осложняется тем, что зачастую лицо, оказавшееся в ситуации «принуждения к сотрудничеству», боится привлечения к ответственности даже при добровольном отказе [Пиголкин, 2022].

Учитывая тенденции в судебно-следственной практике и международную обстановку, можно предположить, что роль норм о шпионаже и государственной измене возрастет. Расширится также перечень потенциально «секретных» сведений, учитывая технологические достижения и растущую значимость киберпространства как новой арены противостояния.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ свидетельствует о том, что квалификация шпионажа и государственной измены в судебно-следственной практике РФ требует выверенного подхода с учетом особенностей субъекта, формы вины и конкретного механизма совершения преступления. Обе нормы (ст. 275 и ст. 276 УК РФ) ориентированы на защиту внешней безопасности государства, но при этом имеют принципиальное отличие в субъекте преступления (гражданин РФ – в случае измены, иностранец или лицо без гражданства – в случае шпионажа), а также некоторые различия в характере противоправных действий.

Зарубежная практика в целом демонстрирует тот же вектор: государства жестко пресекают посяательства на свою безопасность, чаще всего вводя суровые санкции вплоть до пожизненного заключения или смертной казни. Одновременно прослеживается тенденция к учету деятельного раскаяния или добровольного отказа.

С учетом стремительного развития технологий, способствующих сбору и передаче больших объемов секретной информации, а также роста гибридных угроз, российскому законодателю важно поддерживать актуальность норм об измене и шпионаже, избегая при этом неоправданного расширения понятий, способного привести к произвольному их толкованию. В числе перспективных направлений совершенствования законодательства можно назвать разработку более детальных разъяснений Верховного Суда РФ о том, как разграничивать «открытые» и «секретные» сведения и как оценивать мотивы действий субъекта.

Библиография

1. Боев С.А., Юдин С.Н. Оценка доказательств в делах о шпионаже: проблемы и практика // Российская юстиция. 2021. № 5. С. 31-37.
2. Иногамова-Хегай Л.В. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2021. 912 с.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31 (Часть I). Ст. 4398.
4. О судебной практике по делам о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 15.11.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.
5. Пиголкин А.С. Правовые гарантии освобождения от уголовной ответственности при шпионаже и

- государственной измене // Законодательство и практика. 2022. № 6. С. 94-101.
6. Позднышев А.Д. Преступления против государственной безопасности: история и современность // Вестник уголовного права. 2020. № 4. С. 112-119.
7. Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Лихтенштейна. М.: МАКС Пресс, 2013. 188 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 184 с.
10. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / transl. by A.V. Serebrennikova. M.: Zertsalo-M, 2001. 200 p.
11. Espionage Act of 1917 (U.S. Federal Law) // United States Statutes at Large. 65th Congress. Sess. 1. Ch. 30, 1917.
12. Trefilov A. Responsibility for High Treason in the Legislation of Liechtenstein // European Criminal Law Review. 2018. Vol. 8. № 2. P. 59-67.

A comparative analysis of the qualification issues of espionage and high treason in the Russian judicial and investigative practice

Aleksandra A. Beglyakova

Adjunct,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
603144, 3 Ankudinovskoe hwy., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: Beglyakova@mail.ru

Abstract

This article focuses on the specific features of qualifying espionage and high treason within the judicial and investigative practice of the Russian Federation. The relevance of the topic is determined by the need to ensure both the external and internal security of the state, as well as to protect its sovereignty in the face of rapidly changing geopolitical circumstances. The authors examine the historical evolution of Russian criminal legislation affecting the legal regulation of these crimes and compare current liability practices with analogous approaches in a number of foreign countries. Particular attention is paid to the criteria for distinguishing between high treason and espionage, including aspects of the perpetrator (subject) of the crime, the form of guilt, and the content of the wrongful act. In the course of the study, methodological aspects are revealed, touching upon the systemic, comparative-legal, and historical-legal analysis of regulatory acts and judicial practices. The authors present summarized findings demonstrating that in most advanced legal systems, the penalties for high treason and espionage are among the most severe, reflecting their significant degree of social danger. Furthermore, in Russian legislation, as well as in the legal systems of the United States, Germany, and various other countries, there is a common trend toward a broad interpretation of these crimes, highlighting their special role in safeguarding state interests. From a practical standpoint, the research underscores that careful legal differentiation between high treason and espionage facilitates balanced procedural decisions, including the possibility of exemption from liability in the presence of voluntary repentance or voluntary withdrawal from committing the crime. The authors conclude that future prospects for the development of Russian legislation in this field may be associated with the consideration of emerging threats, including those in modern armed conflicts and digital technologies, requiring an adequate normative response.

For citation

Beglyakova A.A. (2025) *Sravnitel'nyi analiz voprosov kvalifikatsii shpionazha i gosudarstvennoi izmeny v sudebno-sledstvennoi praktike RF* [A comparative analysis of the qualification issues of espionage and high treason in the Russian judicial and investigative practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 519-525.

Keywords

High treason, espionage, criminal legislation, external security, qualification, perpetrator of the crime, judicial and investigative practice.

References

1. Boev S.A., Yudin S.N. (2021) *Otsenka dokazatel'stv v delakh o shpionazhe: problemy i praktika* [Evaluation of Evidence in Espionage Cases: Problems and Practice]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 5, pp. 31-37.
2. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / transl. by A.V. Serebrennikova [Ugolovnyi kodeks Federativnoi Respubliki Germanii] (2001). Moscow: Zertsalo-M Publ.
3. Espionage Act of 1917 (U.S. Federal Law). *United States Statutes at Large*. 65th Congress. Sess. 1. Ch. 30, 1917.
4. Inogamova-Khegai L.V. (ed.) (2021) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. Moscow: Prospekt Publ.
5. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4398* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 4398], 31 (Part I).
6. *O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 g. № 1 (red. ot 15.11.2022)* [On Judicial Practice in Cases of Crimes against the Foundations of the Constitutional Order and State Security: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated February 10, 2009 (as amended on November 15, 2022)] (2009). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 4.
7. Pigolkin A.S. (2022) *Pravovye garantii osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti pri shpionazhe i gosudarstvennoi izmene* [Legal Guarantees for Exemption from Criminal Liability in Espionage and High Treason Cases]. *Zakonodatel'stvo i praktika* [Legislation and Practice], 6, pp. 94-101.
8. Pozdnyshev A.D. (2020) *Prestupleniya protiv gosudarstvennoi bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Crimes against State Security: History and Modernity]. *Vestnik ugolovnogo prava* [Bulletin of Criminal Law], 4, pp. 112-119.
9. Serebrennikova A.V. (2013) *Ugolovnyikodeks Likhtenshteina* [Criminal Code of Liechtenstein]. Moscow: MAKSS Press Publ.
10. Trefilov A. (2018) *Responsibility for High Treason in the Legislation of Liechtenstein* [Otvetsvennost' za gosudarstvennuyu izmenu v zakonodatel'stve Likhtenshteina]. *European Criminal Law Review*, 8(2), pp. 59-67.
11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 14.07.2022)* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 14.07.2022)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2954* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2954], 25.
12. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1960 g. (utratil silu)* [Criminal Code of the RSFSR of 1960 (no longer in force)] (1960). Moscow: AN SSSR Publ.